

ПЕРЕВОДЫ

С. Петров

ФАВНЫ ПОПОЛУДНИ

Я этих нимф хочу увековечить.

Их

Румянец легкий так прозрачен, что в густых
Пушистых снах вздремнул, по воздуху летая.

Мечта?

Сомнение мое, как ночь густая,
Нагромоздясь в ветвях, живущих у вершин,
Доказывает мне — увы! — что я один
Лжеидеала роз своей победе чаю.

А что,

коль женщины, которых примечаю —
Воображенье чувств измышленных? Тогда
Из холодно-синих глаз, как светлая вопа
Ключа, оно сбежит из глаз у самой нежной.
Но вот прутая, вся — как легкий вздох небрежный
И ветреный, когда в моем руне жара.
Да что там! Если день, слабеющий с утра,
В ленивый обморок упал и дышит еле,
А в рощу не течет журчание свирели
И чистой музыкой ее не окропит.
Однако ветер и меж пупочек не спит,
Рассеивая звук пылью, как дождь безводный.
В недвижный небосвод и от морщин свободный,
И зрим и ощутим, летит, как светлый бог,
Найтием одним, сей рукотворный вздох.

О сицилийские болота, где в посаду
Тщеславы моему с ним солнцем нету сладу,
Пусть молча звездный цвет повелеет о том,
Что полым здесь владел и зыбким тростником
Талант мой, и когда на золоченой сими
Зеленый вертоград в извивах водных линий
Клубится медленно животной белизной

И музыка из флейт, как лебеди весной,
Летит, нет! — как наяд полет чредою длинной
Бежит..."

И вот горит недвижно зной звериный,
Не замечая, как в избытке свадьбы все,
Которой жаждет тот, кто ищет лишь ЕЕ.
Тогда очнусь ли я в том яростном, что было,
И одинок и прям в валах былого пыла
И запросто, о лилии, с одной из вас?

Не поцелуй — их уст лукаво-тихий глас —
а грудь моя еще в неведении искуса —
Свидетельство того волшебного укуса,
Который царственным был осужден зубам.
Но полно! Взял себе целительный бальзам
В наперсники тростник, играющий в лазори,
Кто грезит, отвратя смущение во взоре,
Как соло долгое о том, что каждый звук
Туманно красоту увеселял вокруг
Обманным мороком меж ней и песней нашей
И чтоб из лада в лад любовь сомлела краше
Во сне мечтательно привычном о спине
Иль бок сквозь прищур глаз она явила мне,
Как плавный звонкий лад, как строй неторопливый.

Так расцвети же вновь беглянкою пугливой,
Лукавица-свирель, к свиданью у озер!
И гордо завецу я долгий разговор —
Про трепетных богинь, и в живописи кроюсь,
Их обожатель, я сниму с их тени пояс.
Так, ясность высосав из ягод, мне не жаль
Опальным вымыслом прочь отлучить печаль.
Насмешник, к небу гроздь дольняя полупустую,
Я в кожу ее светлеющую лую —
И хмеля жду, смотря сквозь вечер напрямик.

Да вспухнет в ПАМЯТИ, о нимфы, каждый миг!
"Мой взор, пронзив камыш, разил любые выи
Бессмертные, они купались, огневые,

В ручьях, а крик потряс и небеса и лес,
И упоительный поток волос исчез
В прозрачном трепете! Так блещут самоцветы.
Вегу. У ног моих сонливцы, нагреты.
(Вкусив четою быть томительный недуг)
Совокупляются среди отважных рук.
Я похищаю их, не дав им воли, в чащи,
В которых сени нет, лукавицы молчащей,
На солнце запах роз медвяный исчерпав,
И где подобен им да будет день забав."
Девичью ярость я люблю, когда веселый
И дикий наклонюсь над гибкой ношей голой,
Она ж от уст моих пылающих скользит,
Как молния. И в ней телесный страх сквозит:
Ступни безжалостной прижаты к сердцу нежной,
Кого покинула невинность и мятежный
Плач увлажнил иль вздох с немного грустным "ах!"
"Винюсь, мой грех, когда, изменнический страх
Поправ, и радостью взъяренную волнуем,
Ероши космы я нещальным поцелуем;
Едва я жгучий смех в изгибах сладких той
Укры (которая пуховой чистотой
О пыл восторженный своей сестры запела
По-детски, а сама нимало не зардела,
Такая белая и слабая), как вдруг
Добыча из моих сраженных смертью рук
Безжалостно бежит без жалобного плача,
Которым я был пьян, улыбку в складках пряча".

Тем хуже! Радость всем бывает порога,
Кто пряди перзкие навьет мне на рога:
Ты знаешь, страсть моя, что в треснувших гранатах
Горят багрянец и гуденье пчел пернатых;
Меланья вечный рой шумит, и кровь, опять
Сама течет к тому, кто ее хочет взять.
Когда восторженно окраской златоцветной
И теплом пышет лес и гаснет, это Этна.
Когда Венера здесь встречается с тобой,
На лаву наступа невинною стопой,

Когда грохочет сон и пламень заглушенный,
Держу царицу!

Кара мне!

Душой, лишенной
Слов, телом тягостным беспомощно тону,
Впадая в гордую полудня тишину:
И нужно только спать в забвении проклятья
На жаждущем песке и рта раскрыть объятья
Созвездью той лозы, что еле почата.

Я разлучусь с тобой, как с тенью, о чета!

Болеслав Лесмян

ВЕТРЯК

Весь открытый любезным ветрам и долинам,
громоздится ветряк чуть ли не по небес.
Плещет он и дощатым скрипит кринолином —
тень рогатая скачет по травам, как бес.
Костылем ты уткнулся на месте, калика.
Так зачем же стоишь и в прискок и в припрыг?
Под сухие поклоны пубового шлыка
с кем ты крыльями машешься на перемиг?
И во что же ты веришь? Что вилишь в лазури?
На кого ты лицом деревянным похож?
Что за зверь в сучковатой запрягался шкуре?
Кем ты духам, глядящим с луны, предстаешь?

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Тайной завеситься
блеску пришлось.
В сумраке месяца
ярый мороз!

Сыпая бэль житную
вьюги вдали,
даль беззащитную
в сеть оплели.

Спутав просторы,
спирая пух —
и на заборы,
как сивый пух.

Белыми уймами —
в окна корчмы —
пых! — ветродуйными:
"Мы это! мы!"

Дверь открывается
в сонную стынъ,
дым вырывается
клубом густым.

Инеем включенный
в тьме без дорог
встал позолоченной
рощею Бог.

Сад в снеговерти
скутан в мороз,
белый от смерти,
без зорь, без роз!

Павсю вкрадчивой —
слез моих зной,
знай, укорачивай
сон мне пургой.

СОЛДАТ

С войны солдат вернулся весенней дорогой,
Да такой неуклюжий, такой колченогий.

Костыль погонял его такими тычками,
Что шел он не иначе, как только скачками.

Весельчак своей грусти, прыгунец недоли
На потеху он людям знай прыгал от боли.

Потешал пляской жадоб и туги частушкой,
Да нульного недуга дробной колотушкой.

Пришел к себе в халупу — "Гуляй-ка на воле!
Такой прыгун не гож нам на работу в поле."

К куму-звонарю тогда побежал он скоком,
Но тот не стал с ним знаться и прогнал ослопом.
Потопал солдат к милой, а та знай хохочет
Плечами и бедрами и слушать не хочет.
"Чтоб я с такой прыгалой в постели плясала?
Напрыгаешь ты много, а тела-то мало.
Что же мне толку-то в таком недоплясе?
Ус ты не закручивай, ступай восвояси!
Такой скакун мне, бабе, сгодится на что же?
Не ругаясь, не лаясь, ступай прочь, убоже!"
Стоит он у пороги и распятью шепчет:
"Исусе пресосновый, подумай покрепче!
Кто на смех тесал тебя, тесал-торопился?
На красу, на дерево, видать, поскупился.
Колени изувечены, увечные ноги.
Уж верно, и прыгаешь ты не по пороге.
И такой хилjak ты, а руки — как плетки,
Что будешь мне товарищ ладный по похlopке."
Христос ту речь заслыша, слез, на ноги глядя.
Тот, кто Бога вытесал, чокнутый был пядя.
Обе руки левые, обе ноги правы.
Сосновыми ступнями он цырявил травы.
"Хотя я и сосновый, но холок не слабый.
Пройду пешечком вечность, хоть и косолапый.
Пойдем-ка неразлучно, одна нам дорога —
Частица человека да частица Бога.
Поделимся-ка мукой! От пележки — муки.
Одни нас человецьи искривили руки.
По малости смешного нам с тобой придется
Из нас полюбит первый тот, кто засмеется.
Подопрешь меня телом, я тебя — сосною,
И будь с нами что будет, ведь теперь нас двое."

И взялись за руки и без проволочки
Пошли, плетя ногами, играя в подскочки.
И прошли они времен сколько — неизвестно.
Ведь каким же то часам возвещать уместно?
Минули дни и ночи по собственной воле,
И минуло безлесье, бескустье, бесполье.
И настала темнота, завихрилась буря,
И не стало всякого солнца и лазури.
Кто же там на севере, где метели веют,
Этак человечится, этак боговеет?
Два шута гороховых, два хромца беспалых
Ковыляют как-нибудь в мир какой попало.
Один идет веселый, а другой без грусти,
И друг в друга влюблены те хромцы не впусе.
Бог хромал и человек, и оба немало.
Не познаться никому, что в них так хромало.
И была и не была им скакать потреба.
Допрыгались наконец до самого неба.

.....